

© 1993 г. СОКОЛОВСКАЯ К.А.

## ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АСПЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

1. Аспектуальная характеристика высказываний базируется на грамматической семантике видовых форм. Прагматические же компоненты как лингвистически не структурированные принадлежат смысловому уровню, и прагматическая ориентация аспектуально характеризованных высказываний реализуется на глубинном смысловом уровне.

"Неизоморфность языковой структуры содержания текста и смысловой структуры" [1, с. 100] находит истолкование в рамках теории вторичного означивания [2], в исследовании А.В. Бондарко проблематики языковой интерпретации смыслового содержания [1, 3]. В смысловом содержании высказывания различаются: внутренний смысл языковой структуры и изначально лингвистически не структурированное смысловое содержание. При этом центральный процесс образования "речевого смысла" [1, с. 100] – взаимное перекодирование языкового содержания и его внутреннего смысла. В создание "речевого смысла" включаются и лингвистически не структурированные смыслы. В рамках проблематики данной работы в число последних входят прежде всего прагматические компоненты, что и обеспечивает намеренность, целенаправленность воздействия речевого смысла высказывания на коммуникантов.

Вместе с тем допущение возможности языкового кодирования не только "смыслов, выражаемых определенными языковыми единицами" [3], но и лингвистически не структурированных прагматических компонентов смысла требует уточнения.

Такое допущение может быть объяснено, если включить его в более широкую проблематику эксплицитного / имплицитного в высказывании [4–6]. С этих позиций прагматические компоненты речевого акта изначально неэксплицитны: цель (интенция) предваряет вербальный план, а "исходный материал высказывания" [7] (прагматическая пресуппозиция) – "это то, что говорящий считает само собой разумеющимся или известным слушателю" [8]. Ощутимо противоречие между изначальной неэксплицитностью смысловых прагматических компонентов и их косвенным обнаружением, перекодированием, а иногда и экспликацией в поверхностном вербальном плане. Ниже делается попытка пронаблюдать, как разрешается это противоречие в аспектуально характеризованных высказываниях.

2. Обращение к прагматической интерпретации грамматической семантики высказываний – одна из задач описания их "речевого смысла", ради выражения которого люди и вступают в языковое общение.

"Речевой смысл" устанавливается как отношение, связывающее семантический и прагматический компоненты, которое возникает оттого, что "языковые единицы определенным образом прагматически ориентированы" [9]. Прагматический подход "предполагает внутреннюю по отношению к знаку, включенную в него прагматическую составляющую рядом с составляющей семантической" [10]. Очевидно, постулируется прагматическая ориентированность единиц разного уровня, в том числе высказывания и формирующих его грамматических категорий.

3. В данной работе рассматривается прагматическая интерпретация аспектуальной семантики высказывания. Такой подход становится возможным при введении понятия аспектуальной ситуации или аспектуальной характеристики высказывания. "Аспектуальные значения сосредоточены прежде всего в сфере глагольного предиката, в сфере действия. Однако аспектуальность выходит за пределы действия – предиката. Поэтому речь может идти об аспектуальной характеристике не только предиката, но и высказывания в целом (хотя во всех случаях эта характеристика относится прежде всего к предикату и шире – к "предикативному центру", включающему предикат и детерминирующие его элементы)" [11]. Аспектуальная ситуация определяется как "типовая содержательная структура, базирующаяся на аспектуальной семантике, представляющая собой ту сторону выражаемой в высказывании общей ситуации, которая связана с выражением характера протекания действия во времени" [11, с. 41].

4. Без учета прагматических факторов не поддаются истолкованию аспектуальные ситуации, где в процессе речевого общения устанавливается факт действия, передаваемый несовершенным видом (НСВ)<sup>1</sup> в общефактическом значении, а также ситуации, где проявляется актуальный для коммуникантов результат действия, выраженного совершенным видом (СВ) в перфектном значении. Эти ситуации ориентированы на прагматические характеристики: преднамеренность высказывания, знания адресанта и адресата о мире вещей и друг о друге.

5. Прагматические ориентиры включаются в смысловую структуру указанных аспектуальных ситуаций, и вопрос в том, свободна ли языковая аспектуальная семантика от воздействия прагматических (презумптивных и интенциональных) компонентов, например: – *Нина, сходи в магазин. – Я уби р а л а* квартиру (1).

Семантическая аспектуальная характеристика НСВ общефактического (*уби-рала*) в ответной реплике (1) представлена признаками неограниченности, неконкретности, обобщенности; невыраженностью кратности и результативности. С точки зрения целеустановки высказывание понимается как отказ. Такое понимание обеспечивается имплицитной прагматической пресуппозицией коммуникантов: договоренностью, которая существует между ними, о том, что *убиравший* квартиру не идет в магазин. Употребив НСВ *уби р а л а*, говорящий напоминает об этой договоренности и тем самым отказывается выполнить то, что ее нарушило бы.

Имплицитный смысл, понимаемый адресатом, можно эксплицировать: "Мы ведь договаривались, что *убиравший* квартиру не идет в магазин. Я напоминаю вам об этой договоренности; я *уби р а л а* квартиру и поэтому отказываюсь идти в магазин" (2).

6. Что же предсказывает интерпретацию данной ситуации семантикой НСВ? Денотативное содержание ситуации? Влияние презумптивного и коммуникативно-целевого компонентов?

Если бы денотативное содержание предсказывало употребление только НСВ, то исключался бы в этой ситуации СВ. Но в ответной реплике СВ возможен (при сохранении презумптивного и коммуникативно-целевого компонентов): – *Нина, сходи в магазин. – Я у б р а л а* квартиру, а в магазин пусть Зоя сходит (3). Но нельзя: *Я у б р а л а* квартиру\* (4). В (3) интенция отказа должна быть эксплицирована ("В магазин пусть Зоя сходит"), в противном случае ответное высказывание с СВ (4) понимается как новая информация, не связанная с репликой говорящего.

Если денотативная ситуация допускает употребление и НСВ (1), и СВ (3), но

<sup>1</sup> Нумерация примеров дается в круглых скобках.

отказ выражен имплицитно только в (1), то значит ли это, что интенция отказа обычно кодируется в форме НСВ? Такая постановка вопроса исходит из допущения, что во внутреннее смысловое содержание, перекодированное в семантику частных видовых значений, входят прагматически ориентированные компоненты, благодаря которым и устанавливается координация с прагматической presupпозицией и целеустановкой данного речевого акта.

### 7.1. Семантический компонент.

Семантика НСВ в общефактическом значении и СВ в перфектном значении получила истолкование в работах Маслова [12, 13], Бондарко [11, 14, 15], Рассудовой [16], Гловинской [17], Падучевой [18, 19], Форсайта [20], Соколовской [21], где в различных комбинациях и с разных позиций определяются конститутивные признаки указанных частновидовых значений, представленные ниже.

7.1.1. Типовые ситуации установления факта действия [например: – *Дома переведите текст "Помощь идет". – Ведь мы его уже п е р е в о д и л и !* (5)] интерпретируются частными функциями общефактического значения НСВ. Факт действия представляется безотносительно к границам действия, т.е. без указания на его возникновение и завершение – неограниченным; неконкретным, т.е. вне конкретных обстоятельств его совершения; обобщенным – действие мыслится "в принципиальной плоскости" [13, с. 167]; неопределенным в отношении кратности; неопределенным в отношении временного распределения; не акцентирующим нового качества следующей ситуации; относящимся к двум ситуациям – ситуации действия и интерпретирующей речевой ситуации. Характерны ненаблюдаемость действия (наблюдаемое действие мыслилось бы как конкретный процесс); разобщенность, т.е. отделенность времени действия от времени интерпретирующей его речевой ситуации; неопределенность в отношении "эффекта действия" [17, с. 118]. В общефактическом значении проявляет себя различные видов по информативности/неинформативности. НСВ как немаркированный член видовой оппозиции, характеризующийся широтой и невалифицированностью семантики, не фиксирующий точек перелома событий, – берет на себя интерпретацию информации, уже сообщенной эксплицитно или имплицитно предполагаемой участниками общения, информации, лишенной "элемента сюрприза" [22], характерного для семантики СВ.

Функция установления факта действия в рассматриваемом типе аспектуальных ситуаций реализуется перечисленными выше частными функциями НСВ. При прагмасемантическом подходе устанавливается отличие семантических видовых функций от прагматически ориентированных. Последние составляют "неявные" имплицитные смысловые компоненты частновидовых значений [23]: для НСВ общефактического это ориентационный компонент: (временной разрыв ситуации действия и речевой ситуации); presupпозициональный (presupпозиция информированности/неинформированности адресата); коммуникативно-целевой (задача установления факта действия, ненужности действия и т.п.).

7.1.2. Ситуации актуального результата действия [представленные на примере (6)] интерпретируются частными функциями СВ в перфектном значении: – *Этот текст мы уже перевели. Можно переводить следующий?* (6). СВ *перевели* актуализируется исчерпанность действия; "сохранение итогового состояния в момент речи" [19, с. 41]; конкретность представления результата действия в ситуации общения; распределенность действия между двумя временными планами: действие осуществилось в предшествующем временном плане, а его результат актуален для более позднего временного плана, совпадающего со временем общения; неповторяемость действия; акцентирование последующей ситуации; большая информативность СВ как выразителя качественных изменений в характере протекания действия.

Среди перечисленных частных функций СВ, реализующих типовую ситуацию

актуального результата действия, наряду с семантическими функциями выделяются и "неявные", имплицитные – прагматические компоненты: ориентационный (наблюдаемость результата действия в ситуации общения); пресуппозиционный (презумпция ожидания последующей ситуации); коммуникативно-целевой (намерение привлечь внимание адресата к результату действия).

7.1.3. О семантическом языковом компоненте в смысловой структуре высказывания утверждается, что "собственно языковые отношения одерживают верх над частными языковыми намерениями говорящего" [24]. Применительно к проблематике аспектуальных ситуаций эту мысль следует понимать так, что противопоставление СВ/НСВ в рассмотренных аспектуальных ситуациях реализуется видовыми семантическими функциями, "одерживая верх" над прагматическими.

8.1.1. Безусловное признание верховенства семантических функций в реализации видового противопоставления не снимает, однако, вопроса об их координации с соотносительным прагматическим содержанием высказывания.

Свойства прагматической пресуппозиции можно рассмотреть, вернувшись к (1) на примере презумптивной договоренности: "Тот, кто убирает квартиру, не идет в магазин". (Семантические основания для интерпретации данной ситуации НСВ *убирала* в общефактическом значении рассмотрены в п. 5.) В высказывании: *Я убирала квартиру* содержится напоминание о существующей договоренности, на основании которой говорящий отказывается выполнить поручение. В семантику интенционального слова напоминание включен имплицитный компонент "известное": напоминать можно о том, что известно адресату, и НСВ *убирала* относит в данной ситуации мысль собеседника к известной им обоим презумптивной договоренности. Семантический признак известное – это точка соприкосновения презумптивного и семантического компонентов, так как НСВ общефактическому свойственно выражать не новую, известную информацию.

Параллельное употребление СВ в ситуации (3) имеет прежде всего свои семантические основания (см. выше), но при согласовании с презумптивным компонентом план выражения данной ситуации корректируется: СВ (*убрала*), в силу своей большой информативности, не относит высказывание к известной участникам общения договоренности, и отказ в (3) приходится выражать эксплицитно: "А в магазин пусть Зоя сходит".

В ситуациях типа (1) и (3) языковой семантический компонент "одерживает верх", допуская параллельное употребление СВ и НСВ. Но при контакте с соотносительным презумптивным содержанием координируется коммуникативная ценность видовой семантики, в соответствии с которой накладывается запрет на (4) и говорящий выбирает один из двух возможных способов выражения отказа: имплицитный с НСВ, как в (1), или эксплицитный с СВ, как в (3). Таким образом, наблюдается взаимное перекодирование смысла прагматической пресуппозиции и смысла языкового выражения в аспектуальной ситуации.

8.1.2. Прагматическая презумпция обнаруживает себя и при различении внутривидовых значений: – *Прими лекарство!* – *Я принимала его на ночь* (6). В зависимости от презумптивной договоренности, ответная реплика – отказ – может выражать разные значения: "У меня есть собственный опыт: обычно я принимала лекарство на ночь, поэтому сейчас (утром, днем) принимать его отказываюсь" (6а). "Я принимала лекарство вчера на ночь, а так как оно принимается один раз, то сейчас принимать его излишне" (6б). В (6а) НСВ выражает, при согласовании с презумптивным компонентом, – кратность; в (6б) – общефактическое значение НСВ, имплицитное однократность и результативность.

8.2.1. Прагматические пресуппозиции в (1), (3), (6а), (6б) – представляют собой имплицитные, неязыковые смыслы, они лингвистически не структурированы и

вместе с тем каким-то образом кодируются в языковой семантике видовых форм. В рассмотренных речевых актах из прагматического потенциала говорящего можно выделить презумптивное содержание, соотносимое с неявными прагматическими компонентами НСВ ["опыт" в (6а); презумпция ненужности повторения действия в (6б) и т.п.]. Такие "аспектуализированные" смыслы, очевидно, способны влиять на различие внутривидовых значений.

8.2.2. Содержание презумптивного компонента неоднородно. Общие для участников речевого акта неэксплицитные договоренности, их знания друг о друге (А знает, что Б знает нечто об А; Б знает, что А знает нечто о Б), мнение об информированности/неинформированности собеседника – составляют то содержание пресуппозиций, которое можно интерпретировать как межличностное. Другую часть "исходного материала высказывания" [7] составляет неэксплицитное внешнеситуационное содержание: ориентация времени речевого общения и времени действия; позиция наблюдателя; презумпция ожидания последующей ситуации и т.п.

9.1. Обращение к коммуникативно-целевому компоненту аспектуальных ситуаций приводит к поиску ответа на вопрос о возможности интенциональной интерпретации семантического компонента.

О характере связи между целеустановкой и семантикой высказывания можно судить по широко известным фактам, когда различные интенции соотносятся с одним и тем же языковым выражением (7а, 7б, 7в), когда одна и та же интенция соотносится с разными высказываниями (1), (3) и, наконец, когда для реализации коммуникативного намерения более подходящей оказывается та, а не другая грамматическая форма (1). – *Ты бы лучше письмо написала бабушке!* Я *написала* (опровержение) (7а). – *Не сделаете ли вы мне перевод текста?* – Я *написала* (согласие) (7б). – Я *написала!* – Ну, давай твоё *упражнение поскорее* (информация о готовности) (7в).

9.2. Очевидно есть факторы, которые либо разрешают, либо нейтрализуют взаимную интерпретацию коммуникативно-целевого компонента и аспектуальной семантики высказывания. При семантическом разложении лексических значений слов, характеризующих целенаправленность высказывания: отказ, подтверждение, напоминание, признание, сознание, раскаивание и т.п., – в некоторых из них вычлениются аспектуально соотносимые "прагматические доли значения" [25] ("аспектуализированные" смыслы). Так, например, в истолковании слова, обозначающего интенцию сознания ("признание в своей вине, проступке" [26]), имплицитруется презумпция: "Собеседник осведомлен о действии либо допускает, что оно имело место". Этот семантический компонент в слове, обозначающем интенцию сознания, согласуется с неинформативностью НСВ общефактического в высказываниях, нацеленных на сознание в своей вине, проступке. "*Несколько лет назад я был автором телепередачи о Лескове. Эта передача и вынуждает меня к покаянию: – Говорил, ох, говорил, кидался на роман Лескова "На ножах", срастил его! Я грешен перед романом. Да ведь прежде русская интеллигенция дружно осуждала Лескова за этот роман*" (Ю. Нагибин) (8). По поводу (1) было отмечено, что интенцией напоминания также имплицитруется презумпция осведомленности адресата о действии, в связи с чем при интенции напоминания большую коммуникативную ценность приобретает малоинформативный НСВ в общефактическом значении: – *Ты зачем, Куликов, ко мне пришел? Только честно.* – Ну, помните, я вам бумагу одну *принесил*, докладную. – *Бумага... Докладная... Это когда же было?* – *В пятницу (Б. Гуреев) (9).* *Все, все забыто! Ты же клятвы давал! В любви обьяснился!* (Из телефильма) (10). Таких интенциональных слов (а иногда словосочетаний), подобных приведенным здесь (сознание, напоминание), которые в силу своих лексических значений корректируют коммуникативную ценность

видового значения, – отмечено немного: избличение (11), идентификация лица или предмета (12), ссылка на прецедент (13), оправдание (14) и некот. др. – *Знать ничего не знаю и ведаю не ведаю, – бойко говорил старенький попик. – Но ведь вы же венчали, – с тупым, усталым отчаянием повторял Владимир. – Вы же венчали, вот здесь, на этом месте. Ведь это же было, было не приснилось же мне все это!* (Б. Васильев. Были и небыли) (11). – *Вот эту пьесу и заприцали ставить. – Жаль, что столько лет она не шла в театре* (Разг. речь) (12а). *Бим уселся там, прижавшись к стеночке, чтобы не мешать, уселся в волнении: ведь именно этот шофер и вез их когда-то до леса, на охоту* (Г. Троепольский) (12б). – *И я хочу, чтобы вы, ребята, получили бы такое же удовлетворение от сегодняшней встречи, какое мы получали 10 лет назад* (Г. Каспаров) (13). – *Подумайте! Вы ни разу не побывали у Саши в больнице! – Но мы ему фрукты... цветы посылали* (из телефильма) (14).

В ситуациях типа (8–14) семантика НСВ общефактического согласуется с "аспектуализированными" компонентами слов, обозначающих интенции избличения, идентификации лица или предмета, сознания (компонент "известное"), оправдания (компонент "установление факта").

Другие интенциональные слова (а их большинство): предостережение, опровержение, одобрение, неодобрение, подтверждение, упрек и т.п. – не содержат в своем лексическом значении "аспектуализированных" составляющих: – *Наверняка вернусь через три часа. Встречу туристов – и назад. – Смотри, вчера такой рейс сильно опоздал* (15а). – *Смотри, на днях этот рейс сильно опаздывал* (15б).

В (15а) и в (15б) ответная реплика имеет целью предостеречь адресата. Так как интенция предостережения не кодируется в аспектуальном содержании высказывания<sup>2</sup>, она эксплицируется в усилительных частицах: *Смотри (те), (но) учти (те), (но) имей (те) в виду.*

10.1. В рассматриваемых типах аспектуальных ситуаций интерпретирующее воздействие прагматических компонентов может вести к актуализации прагматических ориентированных функций частных видовых значений (общефактического НСВ и перфектного СВ). По степени интерпретирующего воздействия презумптивного и коммуникативно-целевого компонентов и преобладания того или другого, – аспектуальные ситуации различаются следующим образом:

10.1.1. Целенаправленность высказывания эксплицируется перформативами (или другими средствами, принадлежащими функционально-семантической категории перформативности) и поэтому не имплицитруется аспектуальной семантикой высказывания. – *Заходите, это моя единственная просьба. – Обещаю. Будете заходить / зайдете* (16). – *Прошу прощения. Я вас перебею / перебеваю* (17).

10.1.2. Прагматическая интерпретация относится к высказыванию в целом, не кодируясь в его аспектуальной семантике: – *Видел Туркова? – Видеть-то видел. Да он даже не поздоровался. – А ты ему бензин одолжил* (18а) / *одолжил!* (18б) (разг. речь).

Высказывания (18а) и (18б) содержат упрек, косвенно адресованный некоему Туркову, оказавшемуся недостойным доброго отношения. Слово *упрек* принадлежит к тем интенциональным словам, в которых не содержится "аспектуализированных" прагматических компонентов, и поэтому нет основы для

<sup>2</sup> В отличие от реального наклонения (в форме прошедшего времени), в "потенциальных" формах интенции предостережения и опасения имплицитуются СВ: *Осторожно, упадешь (можешь упасть), не упади!*

взаимной перекодировки прагматического смысла и частновидовой семантики (обобщенного факта – НСВ и перфектного значения – СВ).

Коммуникативно-целевой и презумптивный компоненты в подобных случаях "представлены не прямо, а косвенно, через взаимодействие" [6, с. 77] речевых смыслов высказываний в рамках рассматриваемого речевого акта.

Прагматическая интерпретация не затрагивает аспектуальной характеристики действия в тех высказываниях, где в коммуникативно-целевом и презумптивном компонентах отсутствует соотносимое аспектуализированное содержание.

10.1.3. Имплицитные презумптивный и интенциональный компоненты интерпретируют коммуникативную значимость членов слабого видового противопоставления. См., например, (1), (3), а также (19): – *У нас остались лишние завтраки. Может быть, раздать их ребятам?* – *Мы и вчера раздавали* (а)/*раздали* (б) (19). Реплика говорящего выражает запрос о согласии, которое может быть выражено множеством способов: Да, конечно, давайте раздадим и др. (варианты выражения согласия см. [27, 28]). Обе ли ответные реплики (19а и 19б) в равной степени выражают согласие?

В (19а) в реплике адресата с малоинформативным НСВ *раздавали* презумпция идентификации с действием, обозначенным в реплике адресанта (*может быть, раздать...*), делает согласие явным, недвусмысленным<sup>3</sup>. В (19б) имплицитна презумпция ожидания новой информации и продвижения действия вперед. Исходя из такой презумпции, адресат реагирует на реплику адресанта высказыванием с совершенным видом. Причем эта реакция своеобразна: отвечая презумптивным ожиданиям, адресат не столько обращается к осмыслению запроса о согласии, сколько к сообщению новой информации (*раздали*) и акцентированию возможной последующей ситуации, например: *Мы и вчера раздали и сразу ушли домой*. Целенаправленность такого высказывания двусмысленна: возможно, это согласие, а может быть, сообщение о том, что совершилось действие, за которым последовал какой-то результат. В зависимости от тонких различий в презумптивных ожиданиях и большей или меньшей ясности коммуникативных намерений адресат прибегнет к одной из возможных форм ответа и тем выразит нужный ему смысл: – *На втором курсе многие хорошо поют. Не устроили ли нам конкурс певцов?* – *Конкурс певцов мы и на первом курсе устраивали* (а)/*устроили* (б) (20). – *Джек уже поправился. Не выпустить ли его в сад?* – *Я и вчера его выпускала* (а)/*выпустила* (б) (21).

При теоретически допустимом параллельном употреблении видов в (19–21) более коммуникативно значимы высказывания с НСВ, которые яснее интерпретируются как согласие, запрос о котором выражен в реплике адресанта.

10.1.4. Презумптивный компонент интерпретирует внутривидовые различия, что приводит к формированию частновидовых значений: см., например, (6), (6а), (6б), а также: – *Как достать билеты в Лужники?* – *Я покупал в кассе метро* (22а, 22б). В зависимости от презумптивных договоренностей НСВ *покупал* будет употреблен: (22а) – в общефактическом значении. Презумпция: участники общения знают, что у адресата уже имеется билет на предстоящий матч. Смысл ответной реплики – указание на источник обладания. НСВ *покупал* имплицитно подразумевает результативность (наличие билета) и однократность (имеется в виду один предстоящий матч); (22б) – в значении многократности. Презумпция: у

<sup>3</sup> В интерпретацию смысла высказывания (19а, 19б) как согласия с репликой говорящего включается союз "и", о котором С.О. Карцевский писал: "...и является сочинительным союзом... Он указывает на отсутствие перерыва, противопоставления..." (разрядка наша. – С.К.) [29].

адресата имеется некий опыт обычных действий, и НСВ *покупал* имплицитно подразумевает обычность, повторяемость. Высказывание адресата выражает уже другой смысл: ссылку на имеющийся опыт.

В силу широты и неквалифицированности НСВ импликация презумптивных смыслов приводит к дифференциации его частных значений, к заметной деформации их семантической структуры [ср. (22а–22б)].

Иной механизм проникновения прагматических компонентов в семантическую структуру частных значений СВ. Вспомним нередко возникающий тип диалога: – Ты *подписался* на "Октябрь"? – Да. А что? а) – Да ничего. Просто так спросил. б) – Хотел у тебя первый номер попросить (23). – Вы уже *написали* заявление об отпуске? – Да. А что? а) – Да ничего. Я тоже вчера написал. б) – Не знаете, наши заявления еще не подписаны ректором? (24). Вопрос "А что?" свидетельствует о неясности презумптивного ожидания адресата, о непроработанности "исходного материала высказывания", невыраженности интенционального значения.

Из реплики (23б) явствует презумптивное ожидание говорящего: "собеседник обладает нужным ему предметом"; из реплики (24б) – ожидание, что "собеседник обладает нужной ему информацией". Тем самым актуализируется прагматически ориентированная функция совершенного вида *подписался, написали* – "акцент на последующей ситуации" – и реализуется перфектное значение.

В (23а, 24а) проявляется, что адресат интересовался информацией о совершившемся факте действия, которое в данной ситуации было весьма вероятным. Мысль говорящего о действии целиком отнесена в прошлое. Поэтому совершенным видом *подписался, написали* не актуализируется прагматическая функция "акцент на последующей ситуации" и реализуется конкретно-фактическое значение.

В данных типовых аспектуальных ситуациях (23, 24) различие между перфектным и конкретно-фактическим значениями совершенного вида сводится к актуализации/неактуализации (под влиянием презумптивных ожиданий участников общения) прагматической функции: "акцента на последующей ситуации". СВ, в отличие от НСВ, не имплицитно под влиянием прагматического компонента речевого акта таких значений, которые приводили бы к деформации его семантической структуры, тогда как НСВ дифференцируется на частные значения с несходной семантической структурой.

10.1.5. В русском языке оформились клишированные высказывания с закрепленной видовой формой, предназначение которых – кодировать прагматический компонент, специализированно воздействовать на адресата: – *Смотри, на экзамене провалишься!* – А когда это я проваливался? (опровержение) (25). – *Говорят, собор этот будут восстанавливать.* – Кто его будет восстанавливать! (несогласие) (26). – *Придется тебе огород полить.* – Вот еще! Буду я его поливать! (отказ) (27). – *Объясни мне это еще раз.* – Разве я когда-нибудь тебе это объяснял? (опровержение) (28). – *Зайди за Машей в детский сад.* – Я сам собирался/думал/хотел/намеревался (согласие) (29). – *Пусть Светлана за билетами сходит.* – Так она тебе и пошла (косвенный отказ) (30). – *В кои-то веки собрались в театр.* – Нашли время! (упрек) (31).

В (25–31) и подобных им типологизированных разговорных конструкциях закрепились экспрессивно окрашенные интенциональные значения (опровержение, отказ, несогласие, упрек, согласие и т.п.), которые кодируются в семантике видовых форм (и других лексико-грамматических средств), а также в интонационных конструкциях. Так, в передачу смысла опровержения в (25)



включается выраженное НСВ общефактическим полное отсутствие факта действия, возможность которого допускается адресантом.

10.2.1. Существуют высказывания, в которых носителем прагматической информации являются конститутивные семантические функции частных видовых значений. См., например: Дети дарят К.И. Чуковскому макет его сказки. К.И.: – *Какую вы траву чудесную сделали!* Лена: – *Сначала р и с о в а л и, а потом в ы р е з á л и* (из радиопередачи) (32). – *А если я поддакивал тому, что ты молол, то... чтобы выведать твои мысли. Я тебя о б м а н ы в а л, а ты обрадовался и поверил* (Ф.М. Достоевский) (33). – *Вам тут письмо, – сказала дежурная Эльвира, милая, улыбочная, всегда спокойная. Я удивился: – Письмо? Сюда? – А вы д а в а л и адрес гостиницы? – Конечно, нет! – Значит, проведали. Решили поздравить, – сказала Эльвира, улыбаясь* (А. Приставкин) (34). *Весь день у Корнея Ивановича были гости. С языковедами он р а б о т а л, затем их р а з в л е к а л. В е с е л и л и следующих гостей. После этого у него хватило сил писать письмо* (Н. Ильина) (35). – *Куда девалась трагедия? Может быть, этот жанр вообще у с т а р е л? Нет, его просто незаметно и з ж и л и. Когда приходят в движение эстетические тормоза, трагедия как жанр уходит* (А. Эфрос) (36).

В (32) цель ответного высказывания – дать самую общую информацию о том, как создавался макет. В принципе такое сообщение мог бы выразить и СВ: *Сначала мы нарисовали, раскрасили, потом вырезали травку, наклеили ее на картон*. Но такое высказывание, столь конкретная информация исключается логикой ситуации: это торжественный визит детей к писателю в день юбилея. Интересно, что совсем маленькая девочка ощутила смысловые акценты ситуации и в соответствии со своей целеустановкой употребила несовершенный вид: *рисовали, вырезáли* (приводилась документальная запись диалога писателя с детьми). В (33) семантика НСВ в общефактическом значении с оттенком процессности (*обманивал*) "нагружена" интенциональным смыслом – информацией об истинном содержании ситуации. В (34) общефактическое значение НСВ (*давали адрес*) употреблено с целью установить источник информации. В (35) НСВ со значением обобщенного факта (с процессным оттенком): *работал, веселил, развлекал, хватило сил писать* употреблен с целью "восстановить картину прошлых событий" [16, с. 53]. В (36), употребив перфектное значение совершенного вида (*устарел, изжили*), говорящий привлекает внимание адресата к состоянию, которым ко времени речевого общения завершился процесс, протекавший (имплицитно) в предшествующем временном плане. Носителем этого прагматического значения является совершенный вид, перфектное значение которого относит действие к двум временным планам и передает "сохранение итогового состояния".

В (32–36) наблюдается то, что А.В. Бондарко назвал "смысловым осознанием", когда "видовые значения включаются в смысловые отношения, осознаваемые говорящим" [3, с. 12].

10.2.2. "В прагматизированности" частных видовых значений дает себя знать то свойство языка, о котором Г.В. Колшанский писал: "в самой природе языка изначально заложена его коммуникативная функция, предпрещающая собственно цели и результаты, достигаемые человеком в процессе его использования" [30, с. 149].

Высказывания, в которых частными видовыми функциями интерпретируется также и прагматическое содержание, характеризуются следующим:

а) Семантический и прагматический компоненты, вербализуясь в одной и той же видовой форме, состоят в диалектическом единстве: при соотносении с денотативной ситуацией актуализируется семантическое содержание формы,

а при соотношении с говорящим – ее семантическое содержание "прагматизируется". Говорящий может придавать высказыванию только ту целенаправленность, которая не противоречит семантическому содержанию формы.

б) Презумптивный и интенциональный компоненты вписаны в эксплицитную логическую структуру диалогического единства (или монологического высказывания), а не являются "источниками и компонентами речевого смысла, внешними по отношению к данному тексту" [1, с. 100].

в) Содержательно интенции в 10.2.1. отличаются от тех, что рассматривались в 10.1.1–5, представляя собой разнообразную информацию (например, об источнике наличия, появления кого-либо или чего-либо, как в (34), об операциях, составляющих целое действие, как в (32), об истинном содержании чего-либо, как в (33), о наблюдаемом переходе в итоговое состояние, как в (36); восстановление картины прошлых событий, как в (35), а также: обоснование ситуации каким-либо действием; ссылка на прецедент; удостоверение, подтверждение факта действия при колебаниях, неуверенности собеседника; запрос или информация об источнике знания, умения, опыта; о фактах действия, второстепенных по отношению к главному действию; анкетирование и т.п.). См. также у О.П. Рассудовой [16, с. 53–54].

г) В отличие от интенций типа: оправдание, несогласие, отказ, упрек и т.п. – информативные интенции чаще не нацелены на то, чтобы вызвать ответное ментальное действие или изменение физического состояния адресата. Цель воздействия говорящего на адресата сводится к претворению состояния незнания в состояние знания; или от знания – к его интерпретации, расширению, детализации, уточнению.

11. В 10.1.1–5 и 10.2.1 находит подтверждение мысль Е.С. Кубряковой о том, что "скрытое или явное указание на то или иное намерение говорящего" выступает в качестве "первого пласта в семантике высказывания" [31]. В рассмотренном материале выявилось, в каких типах высказываний прагматическое содержание выступает явно, а где – неявно; в каких речевых актах прагматический компонент интерпретируется аспектуальной семантикой, а в каких – нет. В 10.1.1 целеустановка высказывания выражена вербально, лексически и не отражается в аспектуальной характеристике высказывания. В 10.1.2 прагматические компоненты косвенно представлены в смысловых связях реплик диалога, не затрагивая его аспектуальных характеристик. В 10.1.3 и 10.1.4 прагматическое содержание проецируется в область аспектуальной семантики (косвенно влияя на реализацию слабого видового противопоставления и актуализацию частных видовых значений). В 10.1.5 прагматическое содержание поглощается аспектуальной семантикой типологизированных структур, явно предназначенных для его выражения. В 10.2.1 семантические функции видовых форм нагружены прагматической информацией, которая таким образом получает явное выражение.

Итак, в силу лингвистической неструктурированности прагматическое содержание пронизывает как поверхностный, вербальный (лексический, грамматический, текстовый), так и невербальный, с мысловым уровнем речевого акта.

12. Сама по себе сделанная в данной работе попытка вычленить прагматику аспектуальной ситуации из общей сигнификативной ситуации не всем авторам кажется бесспорной. Так, О.П. Рассудова пишет: "Семантика такой единицы, как предложение, несомненно приспособлена для выражения многообразных смыслов, составляющих содержание коммуникации. Существуют специальные коммуникативные механизмы, обеспечивающие переход от предложения к высказыванию... Семантика же языковых категорий не имеет таких прямых выходов в общий смысл высказывания" [32].

Рассмотренные факты языка дают основание не исключать категориальные аспектуальные ситуации как объект прагматическо-семантического подхода, так как в

ряде случаев смысл, базирующийся на категориальной аспектуальной ситуации, может раскрывать смысл высказывания в целом. Сошлемся также на анализ прагматики и семантики видов глагола в [33]. Интерпретационный характер категории глагольного вида [3, с. 8] побуждает к исследованию прагматической ориентированности типовых аспектуальных ситуаций.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Бондарко А.В. К проблеме соотношения идиозмических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // ВЯ. 1992. № 3. С. 9.
4. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
5. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // ВЯ. 1983. № 6.
6. Кривоносов А.Т. Мышление – без языка? // ВЯ. 1992. № 2.
7. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 12.
8. Падучева Е.В. Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
9. Ломов А.М. Номинативный и прагматический синтаксис // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. и выступл. М., 1991. С. 117.
10. Сусов И.П. Два пути построения прагматики языкового знака // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. и выступл. М., 1991. С. 192.
11. Бондарко А.В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики. Л., 1987. С. 40.
12. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 235–270 и 311–312.
13. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 72–84.
14. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 11–89.
15. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 160–190.
16. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
17. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 116–144.
18. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // ИАН СЛЯ. 1984. № 5.
19. Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значения // ВЯ. 1991. № 6.
20. Forsyth G.A. Grammar of aspect usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.
21. Соколовская К.А. Дифференцированность и единство семантики несовершенного вида // Болгарская русистика. 1985. № 4.
22. Булыгина Т.В. О нейтрализации семантических оппозиций // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 135.
23. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 75.
24. Лаптева О.А. Идеи коммуникативной лингвистики в коммуникативной методике // Русский язык за рубежом. 1990. № 2. С. 69.
25. Заботкина В.И. К вопросу о природе прагматической доли значения слова // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тезисы докл. и выступл. М., 1991. С. 78.
26. Словарь русского языка. Т. IV. / Ред. Евгеньева А.П. М., 1988.
27. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1978. С. 84–96.
28. Формановская Н.И., Акишина А.А., Акишина Т.Е. Спросите, попросите... М., 1989. С. 126–127.
29. Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. № 2. С. 131.
30. Кошанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
31. Кубрякова Е.С. Модели порождения речи // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 47.
32. Рассудова О.П. Смысл высказывания и языковые категории // Русский язык за рубежом. 1990. № 3. С. 90.
33. Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений. Будапешт, 1989.